

Социологический анализ и логос Экспланаторная схема аналитической социологии

Аннотация

Исследовательские работы, содержащие существенные недостатки в теоретическом, равно как и в эмпирическом плане, а также с точки зрения систематики анализа, — до сих пор не редкость в социологии. Преодоление такого положения вещей автор видит в ориентации на “логос”, который находит оформление в экспланаторно-аналитической схеме, получившей в международном социологическом сленге название “ванны Коулмена”. Развитие аналитической парадигмы обещает не только преодолеть эклектицизм и разобщенность в социологической теории, но и предоставить базисный концептуальный аппарат для накопления эмпирических результатов, последовательно связанных друг с другом. Это поможет социологам избавиться от распространенной склонности к дескриптивному и нормативно заряженному макроанализу, зачастую приводящему к квазисоциологическому перспективизму.

Для иллюстрации некоторых позиций экспланаторно-аналитической парадигмы автор критически анализирует две статьи, опубликованные в журнале “Социология: теория, методы, маркетинг” в 2010 и 2011 годах.

Ключевые слова: аналитическая социология, социальные механизмы, “ванна Коулмена”, логика ситуации, логика селекции, логика агрегации

1. Характерные особенности социологического анализа

Социологическая мысль — самое позднее с момента ее институционализации в качестве академической дисциплины “социологии” — имеет четыре характерные особенности. Во-первых, социология стремится к *обширному описанию* общественных структур и процессов. Отсюда следует эпистемологическая позиция, согласно которой понимание отдельных (например, экономических) аспектов социальной действительности всегда останется неполным или даже искаженным, если не рассматривать интересующие фено-

мены в целостном контексте. При этом последний должен иметь не только синхронный срез, но и достаточную диахронную протяженность, чтобы обнаруживать траекторию общественного развития (англ. path dependency).

Во-вторых, в мировом социологическом сообществе всегда существовало убеждение, что многообразие социальных практик требует *разнообразия аналитических перспектив*. Причем это разнообразие обуславливается не только тем, что всякий содержательный социологический анализ, как аргументировал Р. Мертон, позволяет сконструировать лишь теорию среднего уровня. Разнообразие социологических теорий проистекает в первую очередь из того, что они, являясь, по мнению А. Шюца, “конструктами второго уровня”, должны адекватно отображать “конструкты первого уровня”, то есть субъективное восприятие мира обыденным сознанием. Так как “конструкты первого уровня”, в соответствии с многообразием жизненных ситуаций, могут быть совершенно разными, то и социологический анализ не должен пытаться втиснуть их все в одну парадигму. Отсюда берут свое начало все интерпретативные направления социологического анализа, и в частности так называемая обоснованная теория (grounded theory) — стремление обобщать эмпирические данные в виде максимально “подходящих” им аналитических конструктов среднего и микроуровня.

В-третьих, неотъемлемой чертой социологического самосознания (после К. Маркса и З. Фрейда) является *критический подход* к социальной действительности, выражающийся в принципиальном подозрении любых социальных практик в — возможно скрытом — (вос)производстве отношений господства одних групп / интересов / представлений об общественном устройстве над другими. После Второй мировой войны критическая социологическая мысль развивалась в особенности представителями Франкфуртской школы Т. Адорно, М. Хоркхаймером, Г. Маркузе, а в дальнейшем их наиболее известным последователем Ю. Хабермасом под маркой “Критической Теории”. Параллельно критическая социальная мысль получила широкое распространение во Франции, где она связана с именами М. Фуко, Ж. Бодрийера, П. Бурдьё.

К анализу господствующих сил и идеологии, в равной степени как и к стремлению дать обширное описание состояния общества на данный исторический момент, приурочены, в-четвертых, попытки выявить *доминанты общественного развития*. “Постиндустриальное общество” (Д. Белл), “общество риска” (У. Бек), “общество сетевых структур” (М. Кастельс) и другие подобные характеристики — все они ставят некий диагноз, заостряя внимание на определенных социальных аспектах, и заявляют таким образом о значимости очередной теоретической (макро-)перспективы.

2. Пятый элемент

Пятый элемент, который до сих пор не в полной мере укоренился в социологии, отвечающей четырем названным отличительным чертам, — это *логос*; и это при том, что к О. Конту, давшему “новой” науке название, восходит также и обоснование эпистемологической позиции позитивизма. Похоже, пока последний трансформировался в критический рационализм К. Поппера, поиск *логоса* в социологии настолько отошел на второй план, что его отсутствие в большинстве случаев остается сегодня незамеченным. Причин для этого

множество, самые серьезные (в смысле осознанные) связаны с соответствующими эпистемологическими или даже онтологическими взглядами¹.

Самой распространенной причиной незамеченного отсутствия логоса в работах, называемых социологическими, является, однако, нечеткое понимание самими авторами и их референтной группой, чем должна отличаться дисциплина социология от социальной философии, историографии современности, демоскопии² и публицистики. Особенно в постсоветском пространстве, где социальные науки не только недофинансируются, но и не особенно “котируются” в доминированном авторитарной властью общественном дискурсе, существует опасность становления некоей квазисоциологии на стыке упомянутых нормативных и дескриптивных перспектив и форм анализа социальной действительности (рис. 1). Эта опасность усиливается внутренним кризисом социологической теории, разразившимся в 1970–1990-е годы (см.: [Головаха, 2004]), успешные усилия по преодолению которого еще мало представлены в социологическом сообществе постсоветских стран.

ПЕРСПЕКТИВЫ	нормативные	дескриптивные
академические	социальная философия	историография современности
(научно-популярные)	публицистика	демоскопия

Рис. 1. Квазисоциология как смесь “соседствующих” форм анализа

Продемонстрировать, каким образом может происходить отклонение от социологического курса через подмену *экспланаторного* анализа (необоснованным) теоретическим перспективизмом, (морализирующими) критическими замечаниями, (поспешно) обобщающими выводами или просто стилистическими фигурами, а также историческими экскурсами³ — основная задача данной статьи. Автор отдает себе отчет в том, что исследования, отобранные им для критического рассмотрения, не задавались целью теоретически предположить и эмпирически проверить функционирование конкретных механизмов, предложив затем модель, объясняющую наблюдаемые явления и процессы. Однако это не отменяет требования, что такие механизмы должны хотя бы (смягчая формулировку Дж. Элстера [Elster, 2007: p. 21]) *подразумеваться* — например, после того, как будут прояснены дальнейшие паттерны социальной ситуации, — чтобы сделанные выводы при ближайшем рассмотрении не оказывались поверхностными, противоречивыми и, в особенности,

¹ Отрицающими, например, каузальный характер социальных процессов или настаивающими на невозможности теоретической реконструкции такой каузальности, ввиду слишком высокого уровня сложности социальных систем. В данной статье дискуссия на эту тему остается за скобками.

² Под таковой здесь понимаются “фотографические” срезы общественного мнения на данный момент, зачастую используемые в иллюстративных целях (в особенности в СМИ). Помимо того, что демоскопические опросники (в Украине) обычно не рассчитаны на глубокий социологический анализ, содержащиеся в них вопросы зачастую являются некорректными с точки зрения методологии социологического опроса.

³ Виды анализа, не являющиеся экспланаторными, систематизируют Х. Эссер [Esser, 1993: p. 56–63], П. Хедстрем [Hedström, 2005: p. 12–23]; некоторые более субтильные формы мнимых социологических объяснений рассматривает Дж. Элстер [Elster, 2007: p. 21–30].

бесцельными. Пусть лучше выведенная закономерность окажется неудовлетворительной, — как это случается в экономической науке, — и ее сменит другая, более полная и убедительная концепция.

После иллюстраций недостатков социологического анализа на отдельных примерах (п. 3.1 и 3.2) ниже будет представлена основополагающая структурная схема современной аналитической социологии (разд. 4) и сделаны выводы в отношении представленных в разделе 1 характерных особенностей социологического анализа (разд. 5).

3. Иллюстрации

3.1. Критический диагноз современному обществу

В статье “Социокультурная роль денег в процессе потребления” И. Набруско, называя изучение латентных функций денег одной из приоритетных задач социологии, исходит из положения, что “явными функциями денег являются экономические, а латентными — социальные функции, регулирующие отношения между людьми и выстраивающие социальную иерархию” [Набруско, 2011: с. 150] (далее ссылки на данный источник приводятся в скобках с указанием страниц). Стремясь “выяснить роль денег как социокультурного компонента социальных отношений в процессе потребления” (с. 148), исследовательница, подкрепляя свою аргументацию цитатами из классиков и современных ученых, приходит к общему выводу (но можно сказать и к общему месту), что “в современном обществе потребления изменения в механизмах адаптации человека и саморегуляции общества связаны прежде всего с деньгами, которые определяют объем покупательной способности” (с. 152). В этом контексте вклад собственного исследования в социологию денег Набруско видит в указании на разнообразие видов “шопинга”¹, которых она называет четыре: рациональный, статусный, стихийный и компенсаторный. Вывод: “Итак, вместо традиционных факторов интеграции социума, представляющих собой культурные ценности и нормы, монетарные коды предлагают свои схемы” (с. 154).

Рассмотрим сказанное в обратном порядке. “Монетарный код”, неожиданно появившийся в сделанном выводе, лишь создает видимость особенного взгляда на роль денег, поскольку такой код как *система знаков, передающих значения*, исследовательницей нигде не определяется (если речь идет о денежных знаках, то берем “бритву Оккама” и отсекаем лишние понятия). Смысловая нагрузка выражения “свои схемы” здесь также не ясна — хотелось бы, чтобы слово “схемы” ученые продолжали использовать для обозначения формально структурированных связей между конкретными элементами, а не превращали в синоним выражения “какие-то специфические социальные связи”. В противном случае — при отсутствии четких теоретических схем и механизмов, а также анализа эмпирических данных, например,

¹ Необходимость употребления этого разговорного заимствования из английского языка в качестве понятия (без кавычек) исследовательница не объясняет, равно как и не раскрывает, почему “шопинг” как “тип потребительского поведения” заслуживает ее особенного внимания, в то время как до этого момента речь в статье шла о потреблении вообще. Также нераскрытым остается вопрос, какие виды потребительского поведения попадают под категорию “шопинга”, относятся ли к нему, например, покупка дамских сигарет, приобретение квартиры, оплата таких услуг, как горный подъемник и прокат сноуборда.

опросов людей относительно роли денег в их жизни, — за такие специфические связи автор легко может выдать собственное восприятие действительности: “Из повседневной жизни вытесняются нравственно-практические элементы вследствие их монетаризации” (с. 149).

На эмоциональном уровне возникает соблазн с этим утверждением согласиться, приняв его как типичный вывод для вышеупомянутого критического подхода в социологии. И все-таки научное исследование состоит не из эмоций, а из нейтрального систематического анализа: процитированное высказывание кажется, во-первых, противоречивым. Если деньги играют все большую роль в нашей жизни, то монетаризация “нравственно-практических элементов” может означать увеличение роли последних, а не уменьшение. *Посылка 1:* “Нравственно-практические элементы” все больше уходят свое выражение в денежной форме. *Посылка 2:* Роль денег в жизни увеличивается. *Заключение:* Роль “нравственно-практических элементов” увеличивается. Это логическое заключение, конечно, недействительно в том случае, если понятие монетаризации (выражения в денежной форме) используется равнозначно понятию вытеснения. Но тогда высказывание “нравственно-практические элементы вытесняются вследствие их монетаризации” является элементарной тавтологией, а каузальная связка “вследствие” — ее прикрытием.

Во-вторых, выстраивать критику общественных процессов на некорректном перенятии перспективы, навеянной скорее культурной традицией¹, нежели непредвзятым систематическим анализом, является как раз с позиций критического подхода в социологии (идеологическим) заблуждением. Социолог всегда должен исходить из того, что если люди что-то делают, значит они видят в этом некоторый смысл — даже если этот смысл ими самими конструируется и выглядит со стороны бессмыслицей. Так, в рассматриваемом случае сначала нужно понять, почему и в каких условиях денежные транзакции учащаются и расширяются, и лишь потом исследовать, к каким *непредвиденным и нежелательным эффектам* приводит это развитие. Отнести к таковым “вытеснение нравственно-практических элементов” в результате ознакомления с аргументацией И. Набруско трудно, потому что эти самые “элементы” — очередная формула, за которой в ее статье ничего не стоит. Если под ними подразумеваются такие феномены, как товарищеская взаимопомощь, родительская поддержка, забота о партнере любовных отношений, то массовые факты платы за стрижку знакомому парикмахеру или вызова такси после позднего свидания в ресторане (вместо долгих провозаний пешком на другой конец города) означают лишь то, что регулирующие поведение “нравственно-практические элементы” изменили свою форму в соответствии с новым контекстом².

1 Вспомним советский нарратив: деньги — это у капиталистов, а у нас нравственность, сплочение и “пролетарии всех стран...”.

2 Несложно представить себе множество ситуаций, в которых отсутствие монетарной транзакции будет считаться непрактичным или даже безнравственным, или и тем и другим сразу. Современному социологу полезно при этом вспомнить о других культурных контекстах, где выше не только уровень монетаризации социального взаимодействия, но и индекс субъективного благополучия, в то время как уровень неравенства доходов — ниже. Существуют, конечно, мнения, что в нравственном отношении эти общества “загнивают”, но носители этих мнений не имеют с социологами ничего общего.

При этом важно понимать, что новые контексты создают не столько деньги сами по себе, а новые потребительские возможности, появляющиеся в результате инноваций и роста производства товаров и услуг, — возможности, которые люди испокон веков всеми силами стремились и создать, и использовать. Люди стремились, а не деньги — приписывание же деньгам какой-либо субъектности есть не что иное как *метонимический перенос*. В статье Набруско на таком переносе строится, в частности, различие между экономическими и социальными¹ функциями денег; в качестве примера последних автор называет выстраивание социальной иерархии. Таковая, однако, является базальным элементом социальных структур и первична по отношению к современной денежной системе. Социальная иерархия выстраивалась людьми всех исторических типов обществ (и четко выстраивается уже человекоподобными обезьянами и еще “менее сознательными” видами животных). Таким образом, утверждая, что “денежная экономика разрушает непосредственные человеческие отношения” (с. 149), Набруско в очередной раз противоречит сама себе, тут же говоря о большом значении денег в организации иерархических структур (в том числе через статусный “шопинг”). Кроме того, доводя эту мысль до конца, нам пришлось бы признать, что самое позднее после зарождения банковского дела в Италии с началом эпохи Возрождения в XIV веке, без которого было невозможно развитие капиталистически обусловленного бурного роста производства, “непосредственные” человеческие отношения разрушались на протяжении вот уже шести с половиной веков!² Или, может, они разрушались с тех пор, как за тридцать серебрянников был совершен злополучный подкуп?

Или, может, не нужно забывать, что говорил М. Вебер о ценностных суждениях в социологии, и исходить из того, что и стремление к признанию, сопряженное с желанием возвыситься над другими, и сотрудничество с целью получения большей выгоды, и, не в последнюю очередь, предательство да холуйство являются элементами непосредственных человеческих отношений, а в некоторых контекстах могут становиться не только нормами (вспомним булгаковскую Москву), но и ценностями (сотрудничество с целью получения выгоды в либеральных общественных идеологиях)? Каким образом, то есть через *какие механизмы* эти элементы взаимодействуют в конкретных культурно-исторических условиях, становятся нормами или перестают ими быть — на этот вопрос можно ответить только через поиск *логоса*, а не навешиванием (в лучшем случае социально-философских, в худшем — публицистических) ярлыков типа “потребительское общество”.

Экономисты, последовательно изучающие влияние денег на потребление в обществе, обнаружили, как известно, целый ряд *закономерностей* и облекли их в соответствующие *модели*. Самой основной из них является классическая

¹ Как будто первые не являются разновидностью последних; кроме того, после высказывания “социологи видят в деньгах регулятор потребления” [Набруско, 2011: с. 152], становится непонятным, что же другое видят в деньгах экономисты, ведь первым шагом в цепочке потребления является приобретение товаров и услуг посредством денег, то есть элементарный экономический акт.

² С каким успехом продуктивно развивались, а не разрушались социальные отношения с развитием денежной системы, доступно описывает гарвардский историк Н. Фергюсон [Фергюсон, 2010].

микроэкономическая модель рыночного равновесия, позволяющая определить цену (макрофеномен), при которой спрос на товары и услуги и их предложение (в идеале) одинаковы. Особенное политическое значение имеет макроэкономическая закономерность регулирования уровня потребления и других связанных с ним макроэкономических явлений — в первую очередь, инфляции — через изменение объема денежной массы. Причем обоснование (объяснение) этой закономерности укоренено, разумеется, на микроуровне поведенческих актов. Десятилетия назад Дж. М. Кейнс и М. Фридман сформулировали очень влиятельные в этом отношении теории фискальной политики. Социология, всякий раз когда она ставит своей задачей расширить и углубить теории экономики, приняв во внимание такие мало учитываемые этой научной дисциплиной аспекты, как нормы и ценности, вопросы социальной солидарности, культурной обусловленности общественных трансформаций (вспомним вышеупомянутую path dependency), система стратификации и дифференциации (габитусных) стилей жизни, должна быть способной продемонстрировать на конкретной модели, как изменится предсказанное экономическими закономерностями поведение людей, если включить в нее дополнительные переменные.

Задаваясь, в частности, вопросом, какая связь существует между уровнем дохода (W) и нормативно-ценностной компонентой в потребительском поведении (V), можно было бы проверить следующую гипотезу (H_1): доля нормативно-ценностной обусловленности потребительского поведения (V_{part}) падает с увеличением дохода. Далее, если под V мы будем понимать, например, такие мотивы траты денег, как забота о семье (начиная от ежедневных покупок в магазинах, выходящих за рамки минимально необходимого для выживания, и заканчивая экономией денег на то, чтобы ребенок мог поехать на курсы иностранного языка за границу), поддержание присущего положению в обществе образа жизни (покупка костюма для преподавателя ВУЗа или современного мобильного телефона для топ-менеджера), подарки друзьям и проч.¹, то можно дополнительно предположить (H_2), что до определенного уровня дохода w^* доля этих мотивов будет постоянной величиной (\bar{v}_{part})².

Другие вопросы, которые вскользь затрагивает, но не формулирует социологически И. Набруско, могли бы звучать так: (1) Какая ликвидность является минимально комфортной для жителей Украины? Или, другими словами: какую сумму должен иметь (в буквальном смысле слова *носить*) среднестатистический украинец (или соответственно студент, житель города и т.д.) в кармане, чтобы не испытывать чувства несвободы? Как это пред-

¹ Что на самом деле нужно понимать под нормативно-ценностной компонентой в потребительском поведении в конкретном обществе — вопрос отдельный, нетривиальный, и он играет центральную роль в процессе нахождения адекватного методологического решения в рамках эмпирического исследования.

² Другими словами: чем больше у человека денег, тем большую их часть он может потратить на то, что хочется, а не то, что “нужно” (H_1); при этом до определенной суммы (w^*) практически все деньги уходят на “необходимое” (H_2), и только лишь потом появляется все больше “свободных” денег. (Анализ начинается, разумеется, с уровня дохода w_{stg} , необходимого для элементарного выживания; о точке w_{dem} будет сказано ниже, см. сноску 3 на стр. 156).

ставление изменяется в связи с кризисными проявлениями в экономике? (2) Чем объясняется монетарно обусловленный *выбор людей* “абстрагироваться от присущих каждому отдельному поведенческому акту особенностей” [Набруско, 2011: с. 149]? В какой момент абстракция натывается на границы и снова начинается специализация? Эту отвлеченную формулировку можно было бы, например, перевести в такой конкретный вопрос: почему на свадьбах (все больше) отдается предпочтение денежному подарку, вне зависимости от стиля жизни, возраста молодоженов или их гостей, но — может быть — в зависимости от места их проживания (село или город)?

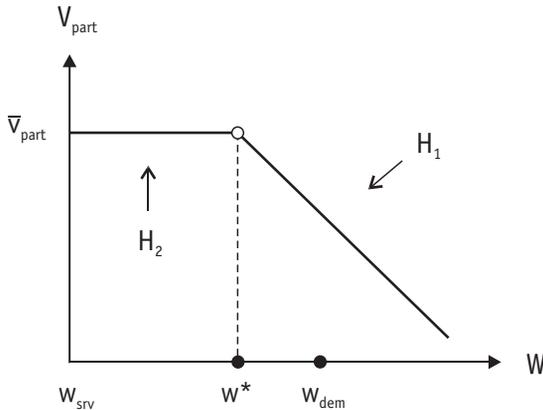

Рис. 2. Нормативно-ценностная обусловленность потребительского поведения (гипотеза)

Не исключено, что в последнем случае, помимо прочего, выяснится, что денежный подарок предоставляет молодым людям максимально широкие рамки, то есть бóльшую *свободу* для учета собственных предпочтений: в выборе и типа “шопинга” — и цвета занавесок, которые они хотят иметь на своей кухне. Проверить это можно, конечно, только эмпирически обратившись к так называемым конструктам первого уровня, то есть восприятию действительности самими участниками социальных процессов. И тут может стать ясно, что исследователь — вместе с Р. Ингельхартом — придет к выводу, что имеет дело с ценностями так называемого постмодерна (в частности, индивидуализацией выбора), а вовсе не с вытеснением их деньгами.

Реконструировав (а) центральные аспекты ситуации, смоделировав (б) логику индивидуального выбора и определив, (в) каким образом совокупность индивидуальных выборов трансформируется в коллективные феномены, социолог формулирует *логос* — описывает каузальные связи, объясняющие, почему социальные процессы протекают так, как они протекают, а не иначе (подробнее об этом будет сказано в разделе 4). Именно такой социологический анализ может быть назван *экспланаторным*¹ (в отличие от дескриптивного). Хочется добавить, что экспланаторная аналитика в большинстве случаев значительно релятивирует и социологическую критику, и перспективистские диагнозы.

¹ Более распространенным обозначением является *аналитическая социология*, которая некоторыми теоретиками — самым известными из них являются, наверное, П. Хедстрем и Дж. Элстер — понимается как *механистная* [Hedström, 2005; Elster, 2007].

3.2. Линии, классики и современные проблемы

Незамеченным отсутствием *логоса* остается нередко вследствие замены экспланаторного, аналитического анализа нарративом исторических линий. Будучи “продолжением” такой — нередко начертанной самим исследователем — линии, современная ситуация выглядит как бы закономерным результатом предыдущего развития. Собственно говоря, она является им по определению (если придерживаться мнения, что прошлое в некоторой мере предопределяет настоящее и будущее) — однако: социологической закономерности эта линия нам никоим образом не выдает.

Ничего не меняет и (прагматический) аргумент, что знание устоявшихся поведенческих паттернов позволяет сделать обоснованные предположения о вероятности дальнейшего развития событий — *объясняет* устойчивость человеческого поведения вовсе не линия, а теории научения, социализации, игр и принятия решений, культурного фрейминга и др., выявляющие механизмы так называемой социальной инерции (воспроизводства поведенческих паттернов и трансляции ценностей) через нахождение социально-психологических закономерностей. Эти теории нужны социологу для моделирования логики выбора (логики селекции) у отдельных индивидов (см. выше (б)) и их агрегатов в коллективные феномены (в). Исторический экскурс может быть полезным для социологического анализа в том случае¹, если он помогает реконструировать значимые (для конкретной проблемы) аспекты ситуации (а), которые по своей сути являются результатами уже сделанных индивидуальных выборов и их коллективных производных.

Рассмотрим случай, когда польза от исторического экскурса остается очень ограниченной. А. Рахманов, анализируя исторические “особенности легитимации частной собственности в православии”, усматривает в современных взаимовыгодных отношениях между церковью и крупными частными собственниками адаптацию православной идеологии и ее институтов к общественной реальности: “... развитие капитализма в дореволюционные времена и возрождение рыночных отношений в постсоциалистический период способствовали тому, что православие признало частную собственность неотъемлемым атрибутом человеческого бытия” [Рахманов, 2010: с. 112] (далее ссылки на данный источник приводятся в скобках с указанием страниц). Обобщить причинно-следственную связь, которую реконструирует в данном случае автор, можно следующим образом: трансформация общественных отношений, обусловленная изменением режима производства благ, привела к пересмотру одного из центральных аспектов религиозной идеологии. При этом факт, что изменение церковных догматов на восточнославянском православном пространстве не происходило долгое время, объясняется, по мнению Рахманова, тем, “что православие распространялось на территориях, где исторически слабо развивались правовые и раннебуржуазные отношения” (с. 112).

Вскоре этот основополагающий исторический нарратив, однако, обнаруживает принципиальное противоречие. Как можно говорить о том, что “Римская церковь и католические догматы приспособлялись к социаль-

¹ Разумеется, смысл исторического анализа этим не исчерпывается; направления продуктивной взаимосвязи исторически ориентированных социологических исследований и аналитической теории показывает, например, К. Барки [Barkey, 2009].

ному окружению”, в то время как в православии “основные постулаты христианства были сохранены в первозданном виде, *не адаптированном к конкретной исторической эпохе*” (с. 103; курсив мой. — М.Г.), если в православных обществах те самые исторические эпохи, которые упоминаются в данном контексте автором (западноевропейский феодализм, Ренессанс, Новое время), протекали совершенно иначе, чем в Западной и Центральной Европе? В свете такого сравнения как раз хочется предположить, что своей — нелиберальной, деспотично-монархической, общинной и непросвещенной — среде православная идеология вполне отвечала. Вряд ли Рахманов подразумевает, что православие должно было приспособливаться к социальному окружению католицизма и протестантизма — и закономерно, что он не замечает, как повторяет это противоречие в другой плоскости: если социальные отношения являются причиной, а изменение догматов — следствием, то размышления о том, что православная этика не заложила духовных оснований для создания человека буржуазного типа (с. 105), ставят изначальную причинно-следственную связь с ног на голову. Вопрос, что же ЧЕМ определялось — церковные догматы социальными отношениями или, наоборот, социальные отношения церковными догматами — остается открытым. Становится очевидным, что напоминание некоторых исторических фактов и воспроизведение элементов теологического дискурса несколько не проливают свет на механизмы общественных изменений, интересующие социологию.

Указанное противоречие разрешается, на первый взгляд, нехитрым образом: рассмотренные процессы тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Так, слабо развитые правовые и раннебуржуазные отношения не давали необходимого импульса для изменения религиозных догматов, а последние, “в ответ”, тормозили развитие первых. Такой вывод, однако, социологически не просто малоинтересен — он является, собственно говоря, отказом от поиска *обобщенного* ответа на вопрос, каким же образом, то есть через какие взаимообуславливающие *механизмы* изменения все-таки произошли — причем и в догматах, и в общественных отношениях¹. Наблюдение, что современное сотрудничество церкви и (крупных) собственников является взаимовыгодным, так как “церковь получает экономическую и политическую поддержку, а собственники — легитимность в глазах общественности” (с. 112), с одной стороны, слишком лежит на поверхности, чтобы выдавать его за социологическую находку. С другой стороны, тезис успешной легитимации еще нужно доказать, исследовав общественное восприятие сотрудничества церкви с собственниками через анализ социологических данных, а не приводя примеры, несущие характер инвентивного журнализма. Так, вывод автора о том, что “противоречивость отношения в православии к частной собственности и активные взаимовыгодные отношения церкви с крупными собственниками согласуются с общественным мнением, бытующим в постсоветских обществах, с православной традицией” (с. 112), не подкреплён никакими эмпирическими данными об этом мнении. Откуда оно читателю (и самому автору) известно? Наконец, даже если бы

¹ Детальная реконструкция социальных коэволюционных процессов в конкретных случаях без постановки задачи теоретического обобщения является, бесспорно, важной задачей — историка, но не социолога (относительно подробно этот вопрос рассматривает Х. Эссер в главе 8 второго тома своей работы “Социология. Специальные основы” [Esser, 2000]).

такие данные были приведены, *согласованность* “*бытующего*” мнения с *традицией* — это социологически очень неопределенный вывод¹.

На тему традиции хочется также заметить, что проработка и обновление наследия классиков должны быть второстепенными по отношению к исследовательским вопросам, которые позволяют (а зачастую даже требуют) задать, с одной стороны, современные методы получения и обработки эмпирических данных, а с другой — шагнувшая за последние десятилетия вперед теория. Подобными вопросами, актуальными для украинского общества, могут быть: существует ли связь между религиозно обусловленными установками населения и авторитарными тенденциями на государственном уровне? Можно ли говорить о влиянии структуры неравенства доходов на уровень религиозности? Какую роль играет религия в процессах образования коллективной идентичности (украинцев)? Интересные наблюдения на эти темы были сделаны, например, оксфордским социологом Т.Мюллером, который на основе сравнения данных World Values Survey по 55 странам демонстрирует, что выраженность индивидуальной религиозности наряду с поддержкой роли религии и религиозных деятелей в политике связаны со степенью модернизации и демократизации страны, а также с уровнем неравенства доходов в обществе. Кроме того, исследователь находит эмпирические подтверждения тезиса П.Норриса и Р.Ингельхарта, что религиозные установки связаны с уровнем так называемой экзистенциальной защищенности. Чем он ниже, тем большее значение (менее обеспеченные) люди придают религии как в своей частной жизни, так и в политических процессах страны, что можно объяснить, во-первых, антистрессовым потенциалом религиозных мировоззренческих систем в силу их простоты и эгалитарного характера, а во-вторых, деятельностью церкви по перераспределению благ в пользу бедных, через благотворительность и другие социальные программы². В некоторой мере неоднозначные результаты были получены, в частности, по Украине и другим постсоветским странам: их население при сравнительно невысоком уровне индивидуальной религиозности относительно

¹ Успешность легитимации, по крайней мере косвенно и на первый взгляд, эмпирическими данными скорее ставится под сомнение. Так, по результатам Мониторинга ИС НАНУ за 2010 год, среди опрошенных, назвавших себя православными и указавших доход за последний месяц больше 100 грн ($N = 1182$ из 1800 опрошенных), более высокий доход коррелирует с более низким уровнем доверия духовенству (коэффициент корреляции Спирмена равен $0,139$, $p < 0,01$), и эта связь, хотя, конечно, очень слабая, остается значимой и в случае контроля переменной возраста респондентов. Данные последней волны World Values Survey (2008) также показывают, что чем выше православный человек в Украине обозначает свой уровень религиозности (“роль Бога в Вашей жизни”), тем скорее он склонен считать, что должно быть больше государственных, а не частных предприятий (связь, правда, и в этом случае очень слабая).

² Концепция социальной защищенности и тезис значимости неравенства распределения доходов позволяют частично объяснить, почему, например, США — страна с высокими показателями демократизации и модернизации — выбивается из общего тренда по уровню индивидуальной религиозности населения. Так, этот уровень там *значительно* выше, чем в Украине и (преимущественно) протестантских странах Европы, *заметно* или *несколько* выше, чем в (преимущественно) католических странах Европы, и приблизительно равен уровню Аргентины, Чили, Азербайджана и Румынии. Поддержка влияния религиозных лидеров в политике является такой же, как в Украине, Турции и Зимбабве [Müller, 2009: p. 21]. Судя по всему, на религиозные установки населения США

благосклонно относится к роли религиозных лидеров в политике. Возможным объяснением такому наблюдению автор считает национальную и этно-религиозную подоплеку конфликтов в постсоветском пространстве, сделавшую религию инструментом политической мобилизации, не изменив при этом значительно уровень индивидуальной религиозности [Müller, 2009: p.22].

Не углубляясь более в детали, хочется задать два принципиальных вопроса к рассмотренной выше статье А.Рахманова. Вопрос первый: каким образом исторический экскурс о том, как изменялась легитимация собственности в православном *теологическом* дискурсе на протяжении веков, помогает нам понять современные социальные процессы, связанные с пробуждением религиозности населения Украины, реставрацией православной церкви во время постсоветского трансформационного периода, восприятием сегодняшними украинцами общественной идеологии и деятельности институтов православия? Вспоминая в этом контексте А. Шюца, а также современных классиков П. Бергера и Т. Лукмана, хочется пожелать социологам не забывать: “поскольку всякое человеческое “знание” развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях, социология знания должна попытаться понять процессы, посредством которых это происходит, и в результате чего “знание” становится само собой разумеющейся “реальностью” для *рядового человека*” (курсив мой. — М.Г.) [Бергер, Лукман, 1995: с. 13]¹. Говоря методологическим языком, необходимо включать переменные, описывающие это (зачастую неявное) знание, в объяснительные модели [Девятко, 2007: с. 13].

Второй, теоретически более принципиальный вопрос к анализу Рахманова: какая связь между какими элементами социальной системы освещается? Общая отправная точка анализа, что “отношение людей к частной собственности в значительной мере определяется влиянием религиозных догматов и церковных институтов” [Рахманов, 2010: с. 101], не содержит *специфического* исследовательского вопроса (в *какой* значительной мере и в каком направлении?), в отличие от знаменитой работы М. Вебера [Вебер, 2002], на которую ориентируется рассматриваемая статья. Последний, наряду с выдвижением тезиса о причинно-следственной связи на социальном макроуровне (между доктриной протестантизма и развитием капитализма, см. рис. 3), приложил немалые усилия для раскрытия этой связи через детальный анализ процессов на микроуровне. Как показал один из крупнейших представителей экспланаторно-аналитической социологии Дж. Коулмен, для этого Вебер сначала проанализировал (а) влияние системных явлений на ориентации отдельных индивидов, затем описал, (б) как религиозные нормы и ценности обусловили индивидуальное поведение тех, кто их разделял, чтобы в результате заключить, (в) как действия отдельных индивидов

влияет выраженное социальное неравенство и относительно слабо развитая система социальной защиты.

¹ Показательно, что теоретические усилия, предпринятые этими учеными, мотивируются ими в том числе тем фактом, что “во взаимосвязи социологии знания с первоначальными ее проблемами видели теоретическую слабость даже те, кто испытывали интерес к этой дисциплине” [Бергер, Лукман, 1995: с. 14]. Как показывает практика, не везде эта теоретическая слабость до конца преодолена.

трансформировались в коллективный феномен капиталистического общественного строя¹.

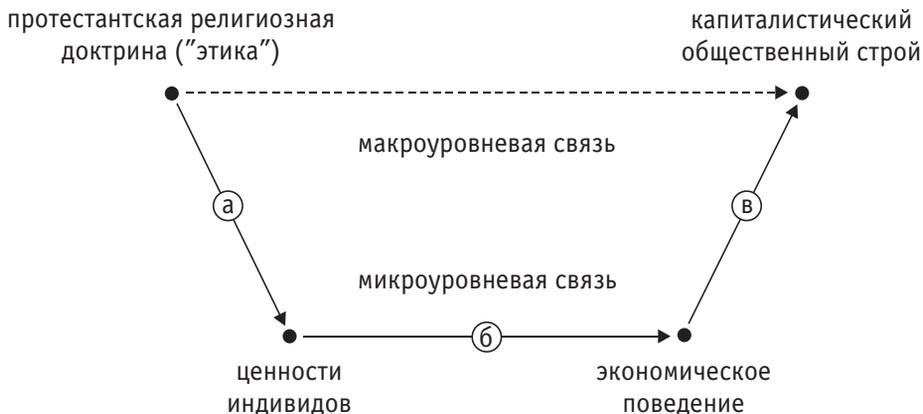

Рис. 3. Объяснение макрофеноменов через микроуровень на примере исследования М. Вебера (по Дж. Коулмену: [Coleman, 1990: p. 8])

Только через такое “ныряние” — с широт макро- на глубины микроуровня — социологический анализ позволяет понять, что культурные артефакты — будь то деньги, религиозные тексты, компьютерные сети или оружие массового поражения — не порождают коллективные феномены сами по себе, а лишь преломляясь в сложной системе человеческих отношений. Также такой анализ раскрывает, что выстаиваемая нами причинно-следственная связь между макрофеноменами (пунктирная линия на рис. 3) может быть объяснена только через реконструкцию механизмов влияния социальной среды на людей, их индивидуальных поведенческих решений и коллективных производных таких решений. То есть поиск *логоса* означает *изучение механизмов, связывающих макроуровень* — социальных институтов, норм, эмерджентных коллективных явлений (например, тех разнообразных народных волнений, которые часто называются революциями), культурных артефактов и проч. — *и микроуровень индивидуальных поведенческих актов.*

4. Основополагающая экспланаторная схема

В 1993–2001 годах немецкий социолог Х. Эссер, опираясь на фундаментальный труд Дж. Коулмена, а также теоретические работы таких представителей аналитической социологии, как Р. Будон, З. Линденберг, Дж. Элстер и др., предложил интегрированную систему социологической теории в семи томах. Особенной заслугой Эссера является при этом не столько кропотливая работа по систематизации экспланаторно-аналитической социологии, сколько творческий подход к интеграции многих других теоретических направлений — среди них функционализм, символический интерак-

¹ Этот последний шаг, по мнению Коулмена, Вебер все-таки не сделал и недостаточно убедительно восполнил этот пробел в последующих трудах [Coleman, 1990: p. 9], что ставит макроуровневую причинно-следственную связь под вопрос. Не исключено, что существенную роль сыграла “третья переменная”, которая обусловила и развитие капитализма и протестантизма в одних и тех же регионах.

ционизм, теория систем и даже феноменологически ориентированная социология знания А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана — в единое целое.

Система Эссера представляет собой четко структурированную и в меру формализованную общую социологическую теорию, устанавливающую максимум точек соприкосновения как с классическими проблемами социологии, так и соседствующими социальными науками (в первую очередь это социальная психология и экономика). Последовательно расширяя и видоизменяя¹ ядро теории рационального выбора, Эссер выступает за продолжение разработки универсальной социологической теории, концептуальный аппарат которой перестанет быть эклектичным (или даже контрдикторным), но при этом будет являться достаточно пластичным и многосторонним, чтобы позволять воссоздавать целостную картину общества через нахождение связей между отдельными исследовательскими результатами. “Ванна Коулмена”² служит этим целям наилучшим образом, во-первых, потому, что задает если не универсальный, то широко применимый шаблон для объяснения различных социальных явлений и помогает поставить собственно социологический вопрос: каким образом социальная ситуация А приводит к социальной ситуации (рис. 4) Б? Во-вторых, эта центральная для аналитической социологии схема позволяет встраивать фрагментарные исследования в целостную экспланаторную цепочку — при условии, что автор отдает себе отчет в том, какую из трех обозначенных на схеме “логик” он раскрывает в своем анализе. Таких логик Эссер называет три [Esser, 1993: р. 91–192; 1999: р. 16–17]: (а) логика ситуации, (б) селекции и (в) агрегации.

(а) Логика ситуации: *какая социальная ситуация как* определяет мотивы индивидов; какие возможности и ограничения воспринимаются членами общества как центральные составляющие их социальной реальности? Или, говоря в терминологии Шюца, как выглядят конструкции первого уровня? “Объективные” условия переводятся в субъективные ориентиры акторов при помощи *связующих гипотез* (нем. Brückenhypothesen)³, которые вычленяют из социальной ситуации аспекты, значимые для индивидов

1 Речь идет, помимо прочего, об *ограниченной рациональности* (англ. bounded rationality), то есть о неполноте воспринимаемой информации и ограниченных возможностях ее когнитивной обработки; о преодолении кажущейся несовместимости нормативных и рациональных модусов действия при помощи концепта *выбора рамки* (англ. frame selection); об аккуратном различении между *субъективной рациональностью* отдельного актора и *нежелательными последствиями* в коллективном результате как множестве индивидуальных решений.

2 Такое название получила схема, изображенная на рис. 3, в международном социологическом сленге.

3 Примером такой связующей гипотезы может служить следующее наблюдение: в обществе, где демонстративное потребление становится доминирующим способом получения социального признания, объекты такого потребления превращаются в культурный капитал (как символы успеха, статуса). Отсюда можно сформулировать гипотезу о поведенческих выборах (H_3 , см. рис. 2 в пункте 3.1): “свободная” часть дохода (см. сноску 2 на стр. 149) будет *по большей мере* тратиться на типичные (для данного общества) объекты демонстративного потребления (в Украине: мобильный телефон, автомобиль, “норковая шуба”). H_4 : до уровня дохода w_{dem} не обусловленные нормативно-ценностными обязательствами средства будут направляться *целиком* на демонстративное потребление.

в процессе принятия решения. Анализ исторической специфики исходной (для анализа) ситуации является на этом этапе одной из основных задач исследователя.

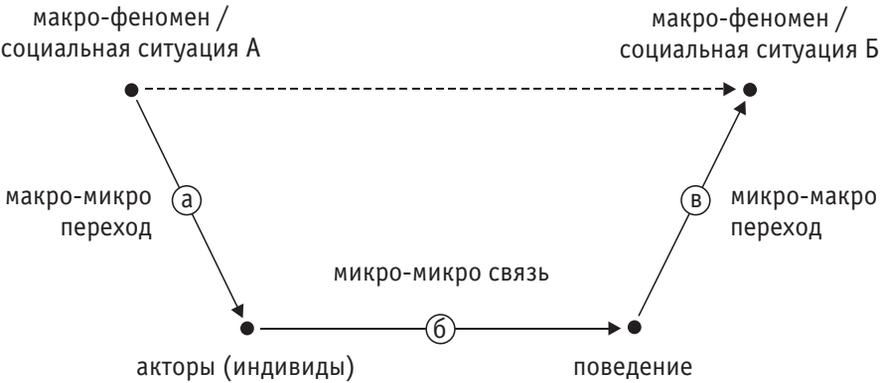

Рис. 4. Три шага экспланаторной цепочки (по Х. Эссеру [Esser, 1999: p. 17])

(б) Логика селекции: *номологический закон*, раскрывающий каузальный механизм индивидуальных поведенческих выборов; первостепенным кандидатом для такого закона Эссер считает *теорию ожидаемой полезности*¹. Экспланаторный анализ на этом этапе означает нахождение значений отдельных переменных — детерминант поведения (к таковым относятся: субъективная степень желанности цели и оценка вероятности ее достижения, эмоциональные и нормативные компоненты восприятия ситуации актором, а также издержки и альтернативы предполагаемого выбора). Закон теории действия (у Эссера теория ожидаемой полезности) *предсказывает* отдельные поведенческие выборы людей, если известны (субъективные!) значения детерминант.

(в) Логика агрегации: *через какие механизмы взаимодействия* индивидуальные поведенческие акты приводят к коллективным результатам, новой социальной ситуации? Таким агрегатом иногда может быть просто сумма поведенческих установок, которую социолог описывает, например, при помощи статистических показателей среднего арифметического, ковариации или простых процентных соотношений. Однако во многих случаях социальные явления (например, рыночная цена или возрождение религиозности населения) не являются простым суммарным следствием массы индивидуальных выборов, а образуются в результате взаимообуславливания решений отдельных акторов. Применительно к такому взаимообуславливанию требуется нахождение условий (здесь снова включается логика ситуации) и "*правил трансформации*" (нем. Transformationsregeln) индивидуальных характерис-

¹ В кратком, но содержательном обзоре труда Эссера, проведенном Н. Романовским, немецкое выражение Wert-Erwartungs-Theorie неверно переведено как "теория ожидаемой стоимости" [Романовский, 2005: с. 30]. Английские соответствия expected value или expected utility, на которые указывает Эссер [Esser, 1999: p. 248], не оставляют сомнений, что речь идет все-таки об *ожидаемой полезности*. Кальки "гипотеза перехода", или "мостика", также кажутся менее удачными, чем описательный перевод немецкого термина Brückenhypothese как *связующая гипотеза*.

тик в коллективные явления. Особенно важным это звено экспланаторной цепочки становится тогда, когда критические массы, взаимоусиливающие циклы, контингентные стратегические ситуации и другие условия и механизмы социального взаимодействия приводят к таким последствиям, на которые акторы, делая свой индивидуальный выбор, не рассчитывали¹.

5. Специфика современной аналитической социологии

Завершая изложение, вкратце опишу, как представленная выше основополагающая экспланаторная схема современной аналитической социологии уточняет и корректирует традиционные характеристики социологического анализа, названные в разделе 1. Первая из этих характеристик, стремление к *обширному описанию* социальных процессов, остается, в принципе, неизменной. При этом преимущество теоретической системы, организованной вокруг логической цепочки из трех звеньев, задающих направление анализа (от макро- к микро-, от микро- к микро- и от микро- снова к макроуровню), заключается, в первую очередь, в дисциплинирующем воздействии: “ванна Коулмена” ограждает от опасности подмены анализа конкретного социального явления общим описательным нарративом на поверхности (макроуровне). Также исследователь избегает риска быть подвергнутым критике, что он потерял из виду собственно социологический вопрос, чрезмерно углубившись в детали одного из звеньев анализа — если заявлено, в рамках какой экспланаторной цепочки этот анализ проводится (и зачем).

Далее: результаты отдельных экспланаторных исследований автоматически взаимодополняют друг друга, так как они, с одной стороны, используют одну микроуровневую теорию действия (с претензией на универсальность), а с другой стороны, являясь в теоретическом обобщении стереотипными, по мере необходимости легко могут быть учтены в новых связующих гипотезах. Таким образом, интегральная картина возникает перед глазами аналитического социолога индуктивно, в виде мозаики взаимосвязанных выводов. Не в последнюю очередь, логика экспланаторной схемы обеспечивает связь всевозможных макроуровневых явлений тем, что последовательно обращается к *субъектам* всех общественных процессов — ведь именно они являются тем звеном, где налаживается *действенная взаимосвязь* различных мотивов поведения и элементов знания об окружающей (социальной) действительности.

В зависимости от конкретных фрагментов этой действительности, на которые направляется фокус анализа, аналитическая социология подразумевает *разнообразные методологические инструменты* исследования. Приrost (обобщенного) знания она, напротив, видит в интеграции теоретичес-

¹ Простой пример: увеличение количества комфортных — но и громоздких (а потому статусных) — автомобилей в Киеве снижает их комфортность как средства передвижения в силу относительного уменьшения парковочной площади и распространения “статусно-демонстративного стиля вождения”, а как следствие, учащения хаоса на дорогах, приводящего к пробкам. Другим — классическим — примером непреднамеренных последствий является так называемый парадокс Токвиля, когда политическая либерализация (то есть послабление) режима приводит к повышению уровня недовольства им (см.: [Esser, 1999: p. 406]).

ких перспектив, а не в их размножении. В этом контексте эпистемологическая позиция, согласно которой из предмета исследования может каким-то образом “исходить” соответствующая ему теория (в виде некоего “герменевтического испарения”), представляется современным наследием магического сознания.

Заведомо критический тон в экспланаторном анализе также оказывается скорее нецелесообразным; объяснение и диагноз — это не одно и то же. Раскрывая, как индивидуально (субъективно) рациональное поведение может приводить к непреднамеренным и нежелательным последствиям на коллективном уровне, наблюдая, как макроуровневые ситуации воспроизводятся через каузальные механизмы на микроуровне, социолог в существенной степени лишает себя возможности критиковать то, что в результате проделанного анализа выглядит для него закономерным¹.

Аналогичным образом *доминанты общественного развития* являются для аналитической социологии экспланандом (предметом объяснения) или экспланансом (компонентой логики ситуации), а не поводом для формулировки новой (дескриптивной критической) “теории”. Как тонко намекает Е. Головаха, глобально мыслящие теоретики, пытаясь найти ключи к решению проблем выживания человечества и личности в новом социальном мире (хочется добавить: и громко звеня этими “ключами”), обращаясь к мировой экономике, геополитике, системам образования и коммуникации, новым дискурсам и т.п. — ко всему, что не может не волновать массы и властвующие элиты, могут отвлекать “социологов-профессионалов” от главного — социальных феноменов в их структурной связи и изменении [Головаха, 2004: с.6–7], то есть от формулировки (вероятностных) законов как основы социологического познания [Головаха, 2004: с. 9]. Ярким примером такого рода глобально мыслящих социологов-диагностов является У. Бек, аналитические работы которого, как отмечает Р. Мюнх вслед за Х. Эссером, следуют публицистической логике схватывания духа времени, не являясь в строгом (номотетическом) смысле теоретическими [Münch, 2002, p. 424]. “Диагноз современности” (нем. Zeitdiagnose) находит подтверждение не в эмпирических данных, а в подхватывании интеллектуалами-современниками его ключевых описательных (и часто метафорических) понятий, иными словами, в наличии дискурса, который был в значительной мере им же инициирован.

Подводя итог, хочется отметить вместе с П. Кутуевым, что отличие современной науки об обществе от трудов выдающихся социальных мыслителей прошлых веков заключается в том, что она позиционирует себя как эмпирическую науку, использующую как теоретические, так и эмпирические средства познания, — и одновременно не согласиться с ним, что труды классиков должны оставаться императивом современных исследовательских программ [Кутуев, 2009: с. 194]. Да, эти труды действительно могут иногда

¹ Это не значит, конечно, что человек с социологическими знаниями не может высказать свои критические замечания в отношении результатов этой закономерности. Когда он это делает, он, однако, выступает в роли публициста, консультанта политиков, просветителя широкой общественности и т.п. — так же, как он выступает в роли потребителя, отправляясь на воскресный “шопинг”, или в роли прихожанина церкви, приходя на воскресную службу. Важно не путать эти разные роли.

казаться более релевантными и информативными, “чем выдержанные в рамках социологического канона, но бесцветные и некреативные изыскания наших современников” [Кутуев, 2009: с. 186]. Но все же не стоит путать творчество с экзегезой и пародией; творчество классиков создавало социальную науку, восполняло ее пробелы и открывало ей новые горизонты. Теперь, когда эти горизонты успешно пройдены и открываются новые, творчество должно опираться на солидный фундамент, если мы не хотим заново изобретать колесо или выдавать за социологию пограничные ей формы интеллектуального труда. Вместе с издателями *The Oxford Handbook of Analytical Sociology* П.Хедстремом и П.Бирманом хочется выразить надежду, что аналитическая социология поможет преодолеть теоретический кризис и станет центральной парадигмой обновленной социологии XXI века [Hedström, Bearman, 2009: p. 21].

Источники

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Бергер П., Лукман Т. — М.: Медиум, 1995.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. — Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002.

Головаха Е. Социологическое знание: специфика, критерии научности и перспектива развития / Е. Головаха // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 1. — С. 5–16.

Девятко И. Причинность в обыденном сознании и в социологическом объяснении: контуры нового исследовательского подхода / И. Девятко // Социология. 4М. — 2007. — № 25. — С. 5–20.

Кутуев П. Социология: исторические истоки и современные трансформации / П. Кутуев // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 3. — С. 183–206.

Набрusco И. Социокультурная роль денег в процессе потребления / И. Набрusco // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 1. — С. 147–155.

Рахманов А. Особенности легитимации частной собственности в православии / А. Рахманов // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 4. — С. 101–113.

Романовский Н. Мультипарадигмальная социология — auf Wiedersehen? / Н. Романовский // Социологические исследования. — 2005. — № 12. — С. 23–32.

Фергюсон Н. Восхождение денег: Финансовая история мира / Фергюсон Н. — М.: Астрель, 2010.

Barkey K. Historical Sociology // *The Oxford Handbook of Analytical Sociology* / Ed. by P. Hedström, P. Bearman. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — P. 712–733.

Coleman J.S. Foundations of Social Theory / Coleman J.S. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.

Elster J. Explaining Social Behavior. More Nuts and Bolts for the Social Sciences / Elster J. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Esser H. Soziologie. Allgemeine Grundlagen / Esser H. — Frankfurt a. M.: Campus, 1993.

Esser H. Soziologie. Spezielle Grundlagen. Bd. 1: Situationslogik und Handeln / Esser H. — Frankfurt a. M.: Campus, 1999.

Esser H. Soziologie. Spezielle Grundlagen. Bd. 2: Konstruktion der Gesellschaft / Esser H. — Frankfurt a. M.: Campus, 2000.

Hedström P. Dissecting the Social. On the Principles of Analytical Sociology / Hedström P. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Hedström P., Bearman P. What is Analytical Sociology All About? // The Oxford Handbook of Analytical Sociology / Ed. by P. Hedström, P. Bearman. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — P. 3–24.

Müller T. Religiosity and Attitudes towards the Involvement of Religious Leaders in Politics: A Multilevel-Analysis of 55 societies / T. Müller // World Values Research. — 2009. — Vol. 2. — № 1. — P. 1–29.

Münch R. Die “Zweite Moderne”: Realität oder Fiktion? Kritische Fragen an die Theorie der “reflexiven” Modernisierung / R. Münch // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. — 2002. — № 3. — P. 417–443.

Norris P., Inglehart R. Sacred and Secular — Religion and Politics Worldwide / Norris P., Inglehart R. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.